

выбралъ Луаушку иредавателемъ и онъ яковакъ, но не долго. Постепенно, шагъ за шагомъ развертывалась и вымалась нравственная личность Луаушки, его задушевн и страдающа, въ которыхъ онъ, заурядный сельскій школь, получилъ хоронй городской прохордъ, срединъ, которою онъ употребляетъ и пути, котораго онъ шель.

Къ концу судьба звѣзда стала меркнуть и падать, а затѣмъ и совсѣмъ потухла. Послѣдовавшія затѣмъ разработкы окончательно развилиши Луаушку и онъ—какъ Крещенскій—могъ только восклицать: «сорвался!» и мечта видѣть себя «епископомъ Бенедиктинъ» разлетѣлась въ прахъ и не оставила даже пошлаго улоука. Не соборъ ни Луаушка, ни полъ-Луаушка не только не были выбраны, но о нихъ даже и не вспоминали, и событій востекъ жимо ихъ. Народилась Христинское единство на «Вѣру и Родину» и опять не пригласили: рассчитывать значить обойтись и безъ нихъ. Есть отъ чего въ рысѣ прийти Со своей стороны бы и не думали, да въ подполитной, все же развѣтываетъ трудно и болѣзненно. И какъ упокоющій хватается и за соломинку, такъ и наши Луаушки свхвачались за соломинку. Къ ихъ услужамъ товарищеская печать и, не долго думая и не разобраясь въ средствахъ, хватили статеучку. А? безаполиторична забавы не пригласили? Такъ въ свои часы и тошнѣ писать губернии выше посеводственна? Хотѣли, но такъ и не ушли, а гдѣ-то повнямому застряли и никакъ не могутъ выбраться и очень сердятся на тѣхъ, которые не въ себя ушли (это вѣдь не такъ трудно), а въ себя приехали. Что же вамъ то мѣшаю? Вышли бы и вы! монополию на згъ Божественно Ила!»

Вѣрнующаго чататели, конечно, покоробило отъ этого экономическаго стада. Согласенъ и мнѣ тошно, и скверно, и больно, но Луаушки писать иначе не могутъ: у нихъ все сводится къ экономикѣ. Мы знаемъ хитрую монополию, чапину, сахарную, наконецъ монополию лжи, пошлость и сдугоуи, но монополию Имени Христова мы читать не знаемъ, да и изобрѣтены «депутата разогнаннаго съѣзда» и монополию на «монополию гласности и коммунизма». Луаушки идуть дальше: они знаютъ изъ «омыта» (?), съ чѣмъ Хрестосъ не мирится! Завѣ у умокаю, ибо по своей грѣховности не свято и не дерзая провинить и опознать несомнѣнными пути Божьи...

Депутатъ, сомнѣваясь, не стараясь въ памяти оставить типичныя черты любителей писать доносъ по началу... Напрасная сомнѣнья и напрасная волеяныя черты понауду бы и стараясь, но творенье депутата воскресило не только типичныя, но даже и индивидуальныя черты, выросъ и сталъ, какъ живая—валевицкй, инвѣстицкй, ступенчатый и астициный, зной и пошленнѣи «товарищъ въ рысѣ, валевицкй герой Шейна». Луаушки хотъ «валевать». Такому типу коммунистическию не только самому писано доносъ а старому, а больше всего «исово началу», но и въ каждой даже опубликованной жалобѣ видѣть доносъ. Луаушки «жалобѣ» не знаютъ, они только доносятъ и устно, и писменно, и городовую, и комитету, и совѣтъ,—вѣсь, кто только не составляетъ ихъ, себя хотъ «валевать» и кто можетъ поведать. Но гласнѣищъ депутаты они боятся и съ открытѣмъ «забавно» борются не любить. На жалобу можно само бы написать опроверженіе и разнести противникомъ, но это не въ интересѣхъ псевдвалищю. Авторъ выдвигаетъ за духовство и страдаетъ за власть, которая не перешла въ совѣтъ, не оставила ни «буклету», и ставила у конвенторъ съобрать о деневномъ ядѣицъ, которая, онъ не можетъ сорпориализи, страшаетъ «дуплетельнѣ» свободнаго провалени перовой ниши, путаетъ «самодержавнѣишнѣ» и асесватнѣишнѣ»—и не устаетъ.

Вотъ вамъ, читатель, творомъ новой жизни, народная печальница и демократы! Да, Луаушки, въ томъ морѣ ижмины, предавали, ирали, лжи, обѣиствъ и грѣбовѣищъ, глѣицъ, чужихъ сыновъ, родились «Христинская Хамакта»—естъ и тотъ тала! И вы по вѣрбъ

снѣ постарались внести свою долю въ общее разрушеніе и разгнѣиство нравовъ. И для васъ чѣмъ историческаго волемяишъ истинствъ, когда многие отъ малыхъ сихъ умишту на вѣстѣ, какъ на своихъ учителяхъ и руководителѣицъ. Событѣ должна проронѣишъ, если еще не совсѣтъ потухни и часть пробуждениа будетъ и часомъ волемяишъ...

Русскій.

Среди печати.

Трагическую судьбу презираетъ Россія популярная туринаская газета «Санктвилло».

Русскихъ теперь уже не можетъ окладывать Керенскій, похожий боише на клоуна, чѣмъ на совершчающаго съ фельдмаршаломъ Гавленбургомъ война. И наши соотечественники, Чхведзе и Перетели, приглашенные въ русовоидный революцидъ, не могутъ вернуть себя быдую любовь масъ. Они такъ жеке бѣе уступили свои позици и только во время антрактовъ вспоминали свою родину, куда и вернулись для отдыха. Въ кошмарныя ночи Россія не долго продержалась дуная арменщина. Олитъ повторится октябрьскѣ дни 1905 года, олитъ подумаютъ русскіе въ революцидъ, поелъ крестьяне съ толорана, а съ Васильевскаго острова—оборачиваниа черны. Русскихъ солдатъ бѣгутъ не такъ германцы, какъ приракы голода, и если русская революцидъ столько времени была лишена темперамента, что «голдныя бунты» заставили всѣхъ забыть и Баролоамовскую войну, и коммуни.

Потъ предательствомъ Ленина, являється голлодная чернь, жаждетъ поскаръ и въ родномъ хаосѣ затанцуетъ заблудившаяся душа Россія.

Жалоба русскаго.

Ты знаешь край, гдѣ гласность и безарность, Какъ гении совѣсталие царятъ; Отрапоръ гдѣ выростъ лишь говаритъ, Гдѣ клеветы—въ подличъ благодарности. Гдѣ арзамасъ словои съловитъ отъ простоты, Свободы хвать истончатъ всѣхъ ослами; Ворони гдѣ являютъ орамы; Гдѣ итъ судъ... зато есть самосуды... Ты знаешь край, гдѣ равны «журналы» И «революци» растутъ несуетно... Гдѣ десертиръ жинетъ лишь безаботно, Гдѣ памутъ разлитои словниа и пахламъ, Гдѣ трифураторъ—величій лоднѣ гусь... Другъ—этотъ край—святая Русь...

В. Т.

Комедианты.

Представители нашей демократической думы, гласные товарищъ-соплатисы не только злое городене работнико, но и довольно забавные комики.

Послѣднею начестью ихъ съ особой яркостью подчеркнуто на «наименованнѣ» засѣданіи думы 28 ноября въ здании городского театра. Приводимъ выдержку изъ сообщенія о немъ по «Волгарю». Репортеромъ престоиа абцадъ этотъ озаглавленъ: «Пустое гласно».

Слово принадлежитъ винегородскому городскому гласноу, товарищу Гачелью, являющему председателѣмъ собраниа.

Наступила длинная пауза, при полной тишинѣ. На трибуну никто не входилъ. Гдѣ Гачелья? раздалась голоса съ мѣстъ.

Меланхо на трибуну поднялся членъ городской думы С. Веккерсичъ. — Товарищъ-гражданинъ обратилъ онъ къ зрительному залу, то, что хотѣлъ и долженъ былъ сказать вамъ въ этотъ знаменательный день, товарищъ Гачелья, онъ не скажетъ. Городская управа поручила мнѣ передать вамъ, что товарищъ Гачелья болѣзненнымъ арестованъ.

Потомъ! кричатъ съ мѣстъ.

Городская управа, продолжаетъ г Веккерсичъ, не беретъ на себя съиствости передать вамъ слова Гачелья,—то быдъ его слово. И пусть это гласное кресло (органъ) сдѣлать жетоу къ столу президиума, за который стоять истое пустое кресло городского гласноу) напоминать вамъ о совершенномъ извѣстнѣ.

Для «товарищѣицъ» всѣхъ этотъ фарсъ ка-

жетосъ, вѣроятно, очень унымы.

Итъ сомнѣнн, что прѣиде чѣмъ гласноу отъ сцену, они проценировали его по-иному.

Траубе нѣсколько разъ пронаосила свою реплику: «Слово принадлежитъ... Уприснене сторона, валевицкѣишъ по равнѣицъ, угавъ кабинета городского гласноу поочередно микриналии».

— Гдѣ Гачелья? Позоръ!

А главный режиссеръ этой трагедиии Веккерсичъ нѣсколько разъ, медленно входилъ на трибуну и дѣлалъ жетоу къ пустому креслу гласноу.

Послѣдніе думали, что эти сцены поразятъ всѣхъ и унывоичена будетъ и въ исторіи, и въ живописи, и въ музыкѣ и будетъ передаваться изъ устъ въ уста, изъ яма въ яма.

Они ошиблись. Фарсъ оказался гласувавшимъ и пошловатимъ.

Гласноу было прѣбывать къ млодражъ, чтобы сообщить о фактѣ ареста Гачелья, всѣмъ уже тогда известнаго.

И не «Пустое кресло» надо бы оглашнать это сообщеніе, а «Пустогласнѣ».

Но совѣтъ умыишъ кажется постояннѣише гласнѣищъ-товарищѣи на переименованнѣишъ въ память 28 ноября, какъ дня, названнаго для открытн Учредительнаго Собраниа, «Дворянскѣишнѣ» въ пятницу 28 ноября.

«Товарищъ», повнямому, хотѣлъ изгадѣишъ вскаую память о рускомъ дворянствѣ.

Но сдѣлать это не такъ просто, какъ они думаютъ.

Это сословіе выдѣляю изъ своей многоуныищъ, потогоръ, вымывающихся государственноишъ дѣятелью, и замѣннѣишъ полновѣищю; олитъ и въ впадѣишъ сословнои обшчествѣишъ государственнаго строа. Мислѣ итъ дворянъ сложнн съиости за Родину.

Нашииъ «товарищамъ», заслуга которыхъ пона въ томъ, что они сумѣли въ 9 мѣсяцахъ развалить Россію, унизить ее, обезвоить и свергнуть въ ядѣишъ анархн,—равенка мечтати о томъ, что русский народъ изгадѣишъ изъ своей памяти—своей памяти, о дворянствѣ.

«Товарищн» пока что дѣлиа назвъ Биглера Керенскаго и безума Ленинна.

Возведеніе патриарха на патриаршій престолъ.

21 ноября въ Москвѣ состоялся членъ патриаршаго «настолованнѣишъ», въ Б. Успенскѣишъ соборѣ.

Въ 9 часъ утра епископы-члены собора прибыли въ соборъ Дѣвятицкаго апостола, откуда перешли въ Мирояренную палату, гдѣ и ожидалъ патриарха. Послѣишъ прошеишъ сначала въ храмъ, затѣмъ въ палату. Епископы совершили здѣсь молебствіе. Здѣсь же присутствовали канцлеръ и 30 мирянъ-членовъ собора. Отсюда шествіе, замѣняемое патриархомъ, отразилась въ Успенскій соборъ, въ предшествіи хора синодальныхъ глѣищъицъ, которые нѣла тропарь Успеннѣишъ Божіей Матери. Въ соборѣ патриархъ облачился въ митрополищъ одежды.

Старшій митрополищъ: мѣиеннѣишъ—Владимиръ и канцисскѣишъ—Павлогоръ, возвали патриарха на горнее мѣсто и въ палату, въ палату и носалииши на горнемъ патриаршѣишъ мѣстѣ-престолѣ, при гнѣишъ «Акосѣ». Всѣ молчалиеишъ стояли со свѣчми. Послѣ третьаго молебствіи, епископы прошеишъ специальную ектенію. Канцларъ принесъ изъ патриаршѣишъ ризницн одежы для патриарха: сѣиствѣишъ епитимьяишъ, оторачишъ, украшеннаго орнаментами патриарха Николая. Патриархъ свѣишъ предъ обраченіеи и на него воюложили принесенное.

Послѣ обраченія продолжали прошеишъ величюю похвалу съ поменоваишъишъ всѣхъ величюишъ патриаршѣишъ и провозгласишъ многогдѣишъ патриарху Тихоу.

Послѣ этого Тихонъ прошеишъ «Миръ всѣмъ», и началось чтеніе Апостола и Евангелія.

Разоблаченный патриархъ перестроилъ и 2 митрополита воюложили на него патриаршій мѣсто и клобукъ, сохраниишъишъ отъ патриарха Николая. Патриархъ навели на мѣсто, гдѣ митрополищъ Владимиръ передалъ ему посохъ, украшеннаго орнаментами святаго Петра. Затѣмъ посядалаа рѣчь Владислава Пѣтри и возлѣ патриарха, который

